

Свергнутый с трона ребенок: фантазии и реальность

Год издания и номер журнала: 2010, №1

Автор: Олифинович Н.И. / Малейчук Г.И.

Блестит в руке иголочка.
Стоит в окне зима.
Стареющая Золушка
Шьет туфельку сама...

Давид Самойлов

Хотите отобрать веру, разбить мечту?

Вы замахнулись на святое...

Золушка – это Библия, на которую молится каждая девушка.

Из разговора с коллегой

Одной из популярных сказок, которая не утратила своей актуальности в наше время, является история Золушки. Аналог данной сказки существует практически у всех народов: древнеегипетская с фараоном и сандалией, китайская с императором и маленькими золотыми туфельками, итальянская с пианеллой (галошей с подошвой из пробки), скандинавская... Наиболее известными версиями, дошедшими до нашего времени, являются пересказы данной сказки Ш. Перро и братьями Гримм.

Эта история легла в основу целого ряда художественных, телевизионных и мультипликационных фильмов¹, начиная с диснеевских «Золушек» 1922 и 1950 гг., советской «Золушки» 1947 года с незабвенной Фаиной Раневской в роли мачехи и заканчивая сериалами («Джек-пот для Золушки», Россия, 2008), мюзиклами («Золушка», Россия, Украина, 2003), детективами («Ловушка для Золушки», Франция, Италия, 1965), фэнтези («Золушка-80», Франция, Италия, 1984) и др. Таким образом, данная история не теряет своей притягательности для читателей и зрителей уже многие столетия.

На первый взгляд, история кажется банальной. После смерти матери девочка становится сиротой. Ее отец женится на властной женщине, полностью попадает под ее влияние и позволяет мачехе и ее дочерям издеваться над героиней. Но при помощи феи-крестной Золушка попадает на бал, очаровывает принца и выходит за него замуж. Зло наказано, добро торжествует, читателей ждет счастливый конец сказки.

Однако так ли прост сюжет? Нет ли в нем «подводных камней»? Этот вопрос – не риторический. Ведь идея «Золушки» настолько мощно вошла в подсознание женской половины человечества, что многие наши современницы свято верят в реальность такой истории. Как и раньше, современные Золушки надеются, что если терпеть, мучиться, много работать, отказывать себе во всем и быть хорошей, то непременно найдется Принц на пресловутом белом коне, который

обязательно ее отыщет и возьмет в жены. Золушки живут с такими идеями достаточно долго – взрослеют, учатся, слушают мам, работают, читают правильные книги и ждут, ждут, ждут...

Однако в реальности все происходит по-другому. Почему же Золушка не всегда в конце получает обещанную награду? Почему зачастую она всю жизнь находится в отношениях, где она подвергается насилию и унижениям? А если вернуться к сказке, то почему к Золушке так плохо относятся окружающие? Почему она одна занимается тяжелыми домашними делами? Возможно ли такое, чтобы семья, приглашенная на королевский бал, не имела прислуги и эксплуатировала одного из своих членов?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, попробуем описать особенности структуры личности клиента типа «Золушка». Для лучшей иллюстрации клинических феноменов мы будем использовать два наиболее известных варианта сказки: Ш. Перро и братьев Гримм. Мы постараемся восстановить психологический портрет Золушки, опираясь на знания и опыт, накопленные в клинической психологии.

Методологические основания для анализа

Подобно археологу, который воссоздает целостный предмет на основе его отдельного элемента, мы попробуем провести своеобразные «психологические раскопки», пытаясь лучше понять героиню. Отправляясь в путешествие, полезно взять карту, чтобы сверять свой маршрут. Для нас такой картой будут ряд клинических аксиом. Так как у нас не много информации о раннем развитии Золушки, для реконструкции ее клинической организации личности воспользуемся некоторыми исходными тезисами.

Во-первых, личностные особенности клиента мы будем рассматривать как производные от его контакта с ближайшим социальным окружением, в нашем случае – членами семьи Золушки.

Во-вторых, реконструируя историю Золушки, мы будем опираться на идею взаимосвязи формы и уровня организации личности с этапом развития, на котором произошло нарушение контакта, или взаимодействия героини с ее непосредственным социальным окружением. В психологии существует ряд доказательств того факта, что между уровнем нарушения и этапом развития существует следующая зависимость: чем раньше произошел сбой в развитии, тем глубже будет нарушение.

В-третьих, мы будем опираться на идею динамичности проявления симптомов или личностных особенностей клиента. «Положение» клиента на отрезке от невротического до психотического уровня организации не является жестко фиксированным. Клиент способен динамично «двигаться» по этому континууму: например, он способен достигать лучшей адаптации, или более высокого уровня функционирования в ходе психотерапии или жизни в

благоприятных условиях, или, наоборот, «передвигаться» к правому полюсу континуума в ситуации стресса или травмы. Примером могут служить «превращения» Золушки из замарашки в принцессу и обратно при взаимодействии то с поддерживающим (Фея, принц), то с агрессивным (мачеха, сестры) окружением.

В-четвертых, мы апеллируем к диагностическим категориям лишь для удобства описания отдельных феноменов. Условность клинического диагноза означает отсутствие однозначной отнесенности клиента к определенной группе. Н. Мак-Вильямс указывает на «бесплодность вынесения «диагноза», основанного только на внешнем проявлении проблемы» [5, с. 25]. Любой человек гораздо сложнее, чем любые описывающие его диагностические критерии и категории.

Таким образом, опираясь на данные теоретические положения, мы попытаемся ответить на следующий вопрос: к какой категории клиентов относится Золушка?

История развития клиента типа «Золушка»

Попытаемся реконструировать историю развития Золушки через анализ ее семейной системы. Очевидно, что семья, в которой живет Золушка, дисфункциональна по ряду параметров. Ниже мы опишем эти параметры.

- Дисфункция по параметру «власть». Власть описывается такими конструктами, как «иерархия», «авторитет», «главенство». В нормальной семье власть принадлежит супружеской диаде, причем с властью неразрывно сопряжена ответственность. Однако в семье Золушки вся власть принадлежит матери-мачехе. Именно она контролирует все процессы, принимает решения. Мать – гипер-, а отец – гипофункционал. Отец зарабатывает деньги, но у него нет никакой власти, так как в данной семье низведен до положения ребенка. Его жена определяет даже характер и качество его контактов с Золушкой. С. Джонсон, описывая один из паттернов формирования истерической личности, указывает: «Мать представляется как плохая, доминирующая и враждебная, а отец – как пассивный и зависимый» [2, с. 262].
- Ролевая структура семьи позволяет определить вклад каждого ее члена в организацию семейной жизни (роли-обязанности) и типичные паттерны поведения в различных семейных ситуациях (роли взаимодействия). Показателем дисфункциональности семейной системы служит появление патологизирующих ролей, которые позволяют семье как системе сохранять стабильность, однако в силу своей структуры и содержания оказывают психотравмирующее воздействие на ее членов [12]. Одним из примеров ролевой дисфункциональности является делегирование роли взрослого ребенку. В своей семье Золушка с детства перегружена взрослыми обязанностями и играет роль козла отпущения. Золушка – «стряпуха», «на кухне с утра до самого позднего вечера», «исполняет чёрную работу», «встает рано утром», «носит воду», «топит печь»,

«моет», «причесывает другим волосы и чистит туфли», не имеет «приличной одежды», а также над ней «издеваются остальные», например, путем смешения гороха и чечевицы с золой, чтобы Золушка потом выбирала их оттуда.

Появление «козла отпущения» – один из ярких признаков дисфункциональной семейной системы. У других членов семьи «набор ролей» отличается разнообразием и наличием различных возможностей. Те члены семьи, которые играют в основном важные роли, обладают большей властью в семье.

В функциональных семьях структура семейных ролей динамична: члены семьи взаимозаменяемы и могут выполнять различные обязанности, обусловленные ролью. Совокупность ролей, выполняемых как одним человеком, так и семьей в целом, в норме непротиворечива и целостна. Важно, чтобы выполнение различных ролей обеспечивало удовлетворение потребностей всех членов семьи. При этом необходимо соблюдение баланса между индивидуальными потребностями и потребностями других членов семьи. Очевидно, что в семье Золушки ее индивидуальные потребности вообще не учитываются.

Также в функциональных семьях наблюдается соответствие принятых ролей возможностям личности. Отметим, что перечисленный нами список ролей Золушки не соответствует ее возможностям – она настолько сильно уставала, что «вечером, окончив работу, она забиралась в уголок возле камина и сидела там на ящике с золой», не имея сил (и возможностей) на общение с членами семьи или на отдых за ее пределами. Дисфункциональность семьи Золушки также определяется неспособностью членов семьи гибко функционировать в нескольких ролях. Отец – это «тот, кем руководит жена», «тот, кто зарабатывает на жизнь», «кто ни во что не вмешивается». Мачеха – это «глава семьи», «тот, кто принимает все решения», «кто все контролирует». Список ролей Золушки, перечисленный выше, – это яркое свидетельство ригидной и патологической семейной структуры.

- В семье Золушки нарушена коммуникация. Особенно очевидно это нарушение при взаимодействии членов семьи с Золушкой. Практически в каждом описанном коммуникативном акте ее либо используют, либо ею пренебрегают. Выраженные Золушкой желания либо не слышатся, либо высмеиваются, в то время как сообщения других членов семьи понимаются и «декодируются» без искажений.

Если проанализировать стиль эмоциональной коммуникации, то можно заметить специфическое для данной семьи циркулирование позитивных чувств и агрессии. Так, мать выражает теплые чувства к собственным дочерям и никогда не ругает и не критикует их, в то время как Золушке достается вся агрессия и пренебрежение и никогда – поддержка, похвала, одобрение.

- Признаком дисфункциональности семьи Золушки является также разница в статусе детей. Известно, что все они примерно одного возраста, но при

этом родные дочери мачехи обладают высоким статусом, а Золушка – низким. К детям предъявляются разные требования, они выполняют несравнимый круг домашних обязанностей.

- Семья Золушки нарушена по параметру «гибкость». Это значит, что, несмотря на происходящие с ее членами изменения, в семье все остается по-прежнему. Так, Золушка хочет попасть на бал, что означает ее притязание на статус невесты, т.е. на взрослость. Однако ее притязания не принимаются, так как семья не готова перестраиваться и признавать, что Золушка уже готова к созданию собственной семьи.
- Анализ взаимоотношений в семье Золушки позволяет высказать ряд предположений, касающихся их развития. Согласно истории, в детстве Золушка получала достаточно тепла, любви и внимания. Однако затем мать умирает, в семье появляется мачеха, которая никогда не поддерживает Золушку. Однако рядом с Золушкой остается родной отец, который в норме должен любить и защищать свою дочь. Но в какой-то момент он отстраняется от Золушки и перестает выполнять свою отцовскую роль.

Мы предполагаем, что его отстранение связано с развивающейся сексуальностью дочери. Мужчинам сложно обходится со своими теплыми чувствами к дочерям в период их созревания, так как треугольник «отец-мать-дочь» превращается в треугольник «мужчина-женщина-девушка» [3]. Именно страх нарушения инцестного табу в сочетании с властной, конкурирующей женой, полностью подчинившей мужа, приводит к эмоциональному отдалению отца от дочери.

- Единицей анализа семейной системы является треугольник, включающий любые отношения с тремя каналами связи. Мы видим ряд треугольников в анализируемой семье, в каждом из которых «на периферии» остается Золушка. У нее нет близких, эмоционально теплых отношений ни с одним из членов семьи. В треугольнике с сестрами она изгой; в треугольнике с родителями ее общение с отцом контролирует мачеха; в треугольниках «мачеха – ее дочь – Золушка» она может быть только функцией, объектом, удовлетворяющим потребности. Даже в треугольнике «отец – Золушка – дочь мачехи» она не может получить тепла и любви.

Показателен один момент сказки:

«Случилось однажды, что отец собрался ехать на ярмарку и спросил у своих падчериц, что привезти им в подарок.

– Красивые платья, – сказала одна.

– Жемчуга и драгоценные камни, – попросила другая.

– Ну, а ты что, Золушка, хочешь?

– Привези мне, батюшка, ветку, что на обратном пути первая зацепит тебя за шапку. Отломи её и привези мне!» [1].

Золушка, похоже, боится просить о чем-то даже у собственного отца, что обусловлено и страхом отказа, и насмешками со стороны сестер, и контролем мачехи.

Таким образом, история развития клиента типа «Золушка» содержит агрессию и пренебрежение со стороны матери, а также эмоциональную холодность и дистантность со стороны отца. Сочетание дисфункциональной семейной структуры с определенными свойствами нервной системы клиента (чувствительность, эмоциональность, лабильность нервно-психических процессов, социальность) дает все предпосылки для развития истероидной характерологии личности.

Маска сироты: история Золушки как фантазм

Попробуем совершить необычное действие и рассмотреть эту сказку не как на сказочную, а реальную, но запутанную историю. Одной из версий данной истории может служить идея, что Золушка – обычная девушка, которая живет в обычной семье, где в ходе ее развития не происходило кризисных событий, связанных со смертью родителей. Тогда ее мачеха – на самом деле родная мать. После рождения младших детей она, как принято во многих семьях, переложила часть нагрузки на старшую дочь – Золушку. Однако та не была готова к такому повороту событий. Не пережив кризис уникальности, не справившись с переживаниями, Золушка регрессирует к более ранним фазам своего развития.

Такое явление является достаточно распространенным. После появления младшего ребенка в семье старший может демонстрировать поведение, которое было характерным для него на прежних, более ранних этапах развития: сосание пальцев, капризы, энурез, утрату способности ясно выражаться и др. Однако через некоторое время навыки возвращаются, и, пережив сложный период жизни, старший ребенок смиряется с появлением младшего, учится обращаться со своей агрессией и продолжает жить, развиваться и учиться.

Что происходит, если место старшего в сердце занял младший брат или сестра, но при этом старший ребенок, став развенчанным кумиром, не справился с такой эмоциональной нагрузкой? Каждый раз решением проблемы будет компромисс между его потребностями и желаниями, с одной стороны, и ответом среды, с другой. Этот компромисс представляет собой процесс адаптации, направленный на развитие ряда специфических защитных механизмов, позволяющих ребенку справиться с напряжением.

На наш взгляд, появление сестер пришлось на 3-5 летний возраст Золушки. Именно в этом возрасте значительную роль играют эдипальные конфликты. Из истории Ш. Перро мы знаем, что Золушка была красавицей – «добрая, приветливая, милая». Возможно, именно особенности внутрисемейных

отношений, связанные с соблазняющим (или соблазняемым отцом) и фактом соперничества Золушки и матери за его внимание, привели к развитию таких особенностей клиентки, которые мы бы описали как истерические.

С. Джонсон указывает, что в развитии истерической личности решающим является «присутствие каких-либо форм сексуального злоупотребления, дисфункциональная семейная история и, как следствие, конфликты, касающиеся любви, секса и соперничества» [2, с. 258]. Получая любовь и внимание отца, Золушка вступила в конкурентные отношения с матерью, что привело к конфликтам и напряжению между ними. Чувствуя сверхвнимание и любовь, которые вызывает дочь у мужа, жена испытывает ревность, напряжение, гнев и в ответ избирает достаточно агрессивный и унижающий ребенка способ поведения. Она начинает контролировать их контакты таким образом, что Золушка «не решалась пожаловаться даже отцу». «Мачеха так прибрала его к рукам, что он теперь на все смотрел ее глазами и, наверно, только побранил бы дочку за неблагодарность и непослушание» [8].

Итак, Золушка оказалась отвергнутым кумиром. Она лишилась любви и поддержки отца. Также она лишилась любви матери – ведь ее место заняли сестры! Золушка превратилась в «функцию» – она была вынуждена помогать матери с младшими детьми и заниматься тяжелой домашней работой, при этом не получая внимания, тепла и заботы. Ее ценность стала определяться только тем, насколько хорошо она выполняет свои обязанности, насколько соответствует требованиям социального окружения. Никого не волновало, что чувствует Золушка, чего она хочет, как ей живется. «И должна она была там с утра до самого позднего вечера исполнять чёрную работу: вставать рано утром, носить воду, топить печь, стряпать и мыть... Вечером, когда она уставала от работы, ей приходилось ложиться спать не в постель, а на полу, рядом с печкой, на золе» [1]. Похоже, именно эти события послужили толчком к ее регрессу и появлению ряда нарциссических характеристик защитного свойства в сочетании с ядерной истерической патологией.

В реальных историях обстоятельства жизни старшего ребенка, свергнутого с трона любви, бывают не столь трагичны. В сказке эта идея представлена гротескно, выпукло: она живет в семье, где вместо родной матери воспитание осуществляет злая мачеха, а отец не имеет власти. Однако здесь важны не столько реальные обстоятельства жизни, сколько внутренние переживания ребенка, чувствующего себя отвергнутым. Субъективная картина мира лишённого любви ребенка может быть гораздо трагичней той объективной реальности, в которой он находится. Так, если рассматривать историю Золушки как фантазм, то очевидно, что болезненное переживание ею отвержения – фактически символического убийства со стороны матери – приводит к своеобразной мести, в ходе которой мать «умирает», ее заменяет злая мачеха, а Золушка становится никому не нужной «сиротой». Таким образом, в терапевтической практике, сталкиваясь с историей клиента, мы не обязательно имеем дело с реальной историей: это может быть субъективная реальность, связанная с какой-то сильной душевной болью, которую *именно этот* клиент

переживает *именно таким* образом. Первым с этим явлением столкнулся З. Фрейд: практически во всех историях, рассказанных его пациентками, присутствовал инцест, соблазнение или насилие в раннем возрасте, зачастую являвшиеся плодом фантазий, в которые они искренне верили.

Следовательно, одно из реалистичных объяснений всех «нестыкровок» в жизни героини связано с тем, что волшебные приключения, метаморфозы и удивительные события в жизни Золушки – плод ее воображения. Ведь реальность настолько сурова, настолько жестока, что оставаться в ней, переживая боль, унижения и отвержение, практически невозможно. Описывая стилевые характеристики истерической личности, Д. Шапиро выделяет следующие аспекты. «Первый аспект – это истерическая неспособность к длительной или интенсивной умственной концентрации; отсюда следует второй аспект – отвлеченность внимания и впечатлительность; третий – это нереальный мир, в котором живет истерическая личность» [11, с. 98].

Важный диагностический признак ее истерического стиля – это жизнь в выдуманном мире. «Уход» в виртуальный мир защищает Золушку от полного саморазрушения и утраты самоуважения. Работая, убирая, стирая, Золушка отстраняется от этих процессов – она живет в мире своих фантазий. Очевидно, эти фантазии выполняют защитные функции, поддерживая мечты Золушки о ее избранности, непохожести на других, а также о совсем другой жизни, где она делает нечто противоположное тому, с чем сталкивается ежедневно: хорошо одевается, развлекается, танцует, пользуется всеобщим вниманием и уважением.

Именно к фантазиям Золушки можно отнести основную часть «не сказочной» истории. В сказке же, как известно, «сын короля той страны устроил большой бал и созвал на него всех знатных людей с женами и дочерьми. Сестры Золушки тоже получили приглашение на бал» [8]. Любопытно: почему на бал не пригласили Золушку? Ведь она тоже дочь знатного человека. Ответ однозначный: и бал, и приглашения – плод фантазий, в которых Золушка выступает как проигнорированный, обесцененный член высокостатусной семьи. Она упивается этими фантазиями, воображая подготовку к балу и дорогие покупки нарядов для сестер. Это созвучно идеям Д. Шапиро: «Похоже, что романтическое, мечтательное, нереальное и неплотное восприятие мира истериком распространяется и на него самого. Он не ощущает себя материальным существом с фактологической историей. Часто он вообще не осознает своей истории, а если и осознает, то она видится ему в форме романа, населенного впечатляющими романтическими или идеализированными персонажами. Он и сам чувствует себя персонажем этого романа, Золушкой или героическим и отважным Дон Жуаном» [11].

В реальной жизни Золушка продолжает тяжело работать по дому. «У бедной Золушки работы и заботы стало еще больше, чем всегда. Ей пришлось гладить сестрам платья, крахмалить их юбки, плоить воротники и оборки... Сестры то и дело подзывали Золушку и спрашивали у нее, какой выбрать гребень, ленту или

пряжку. Они знали, что Золушка лучше понимает, что красиво и что некрасиво. Никто не умел так искусно, как она, приколоть кружева или завить локоны» [8]. Интересно, откуда у девушки, весь день занимающейся уборкой-стиркой-готовкой, такие специальные умения и навыки, а также знания в области моды? Очевидно, мы имеем дело с фантазиями и мечтами. Еще одним подтверждением того, что наша героиня пребывает в субъективной, искаженной картине реальности, является тот факт, что Золушка, девушка из семьи, приглашенной на бал к королю, должна была выполнять всю эту тяжелую работу по дому. Сложно представить, что такое могло произойти в реальности.

Роль мученицы: история Золушки как реальность

Можно рассмотреть эту историю и как реальную жизнь девушки – изгоя в семье. Семейный козел отпущения, на которого направляется вся агрессия, – достаточно распространенное явление. Являясь обесцененным и отверженным членом семьи, такой человек зачастую становится носителем симптома, являющегося отражением семейного неблагополучия.

Однако возникает ряд вопросов, связанных с длительным пребыванием Золушки в таких чудовищных условиях. Почему же Золушка ничего не предпринимает в реальности? Почему не пытается занять подобающее место в семье? Почему терпит унижения и оскорбления? Чем поддерживается ее терпение и смирение? Ведь у любого есть шанс изменить свою жизнь к лучшему. Но она продолжает жить в мучительных условиях на протяжении всей истории. Создается впечатление, что такое поведение героини не случайно.

На наш взгляд, такое жертвенное поведение является свидетельством скрытого нарциссизма героини. Возможно, именно демонстрация окружающим того, как она безропотно-несчастлива, как ее используют, эксплуатируют и не любят, позволяет Золушке гордиться собой и считать себя лучше, выше и достойнее других. Однако она не выражает открыто свое желание быть лучшей, выигрывать конкуренцию, получать внимание: наоборот, она всегда со всеми соглашается и всем подчиняется, ведет себя незаметно, не выражая практически никаких собственных желаний. Это поведение носит защитный характер и «оберегает» Золушку от столкновения с суровой реальностью. Как пишет Н. Мак-Вильямс, «истерические личности используют нарциссические защиты» [5, с. 412]. Однако защиты, изначально выполняя функцию, направленную на адаптацию к реальности, со временем становятся ригидными и начинают искажать контакт человека с окружающим миром.

Один из аспектов действия нарциссических защит отражает важность сохранения субъективной реальности, в которой Золушка знает и умеет все гораздо лучше, чем окружающие. Нарциссические защиты Золушки необходимы ей для поддержания ее самооценки и самоуважения.

Она самая красивая: «а все-таки Золушка в своем стареньком платьице, перепачканном золою, была во сто раз милее, чем ее сестрицы, разодетые в

бархат и шелк» [8]. Отрицая реальность, в которой она является обычной молодой девушкой, Золушка продолжает жить в выдуманном мире, где под грязным домашним платицем прячется идеальная, умная, воспитанная красавица. Таким образом, мы сталкиваемся с тщеславием Золушки. «Склонность к тщеславию у истерических людей составляет нарциссическую защиту, так как служит для получения и поддержания самоуважения» [5, с. 402].

Еще одним отражением использования Золушкой нарциссических защит является сцена, в которой сестры просят Золушку причесать их для поездки на бал. «Другая на месте Золушки причесала бы сестриц как можно хуже. Но Золушка была добра: она причесала их как можно лучше». Таким образом, Золушка могла бы все испортить, но не делает этого. Здесь мы сталкиваемся с подавленной агрессией Золушки и с ее обладанием тайной властью – ведь при желании она может сделать все совсем по-другому. В своих фантазиях она выступает как великодушная, добрая, всепрощающая и принимающая особа.

Это ярко отражено в одном из моментов сказки. Золушка хочет пойти на бал и обращается к сводной сестре:

«Ах, сестрица Жавотта, дайте мне на один вечер ваше желтое платье, которое вы носите дома каждый день!

– Этого только не хватало! – сказала Жавотта, пожимая плечами. Дать свое платье такой замарашке, как ты! Кажется, я еще не сошла с ума.

Золушка не ждала другого ответа и нисколько не огорчилась. В самом деле: *что бы стала она делать, если бы Жавотта вдруг расщедрилась и вздумала одолжить ей свое платье!*» [8].

Что бы она действительно стала делать, если бы с нее сняли ореол мученицы? Как бы себя почувствовала? Похоже, это бы расстроило всю ее игру. Все или ничего – зачастую именно эта фраза является тщательно скрываемым девизом Золушки. Свергнутый с трона ребенок мечтает вновь его обрести, и перспектива быть обычным, таким, как все, не прельщает его. Тогда остается терпеть и ждать, ждать своего звездного часа, своего принца, который восстановит справедливость. Уровень притязаний Золушки – это роль королевы, которая сможет повелевать всеми, прежде всего – обидчиками: мачехой и сестрами.

Но Золушка никогда всерьез не задумывается о своем положении, продолжая игнорировать печальную реальность, выполнять грязную работу, носить посконную рубаху, отказываться от всех радостей жизни, никогда не жалуясь на притеснения и насилие. Д. Шапиро так описывает особенности истерических пациентов: «Если бы эти люди настойчиво и серьезно задали себе определенные вопросы, то, скорее всего, получили бы верные ответы, то есть предугадали бы развитие событий или хотя бы поняли, что возможность такого развития событий очень вероятна. Но они не задавали себе этих вопросов настойчиво и серьезно. Разумеется, у них могли быть мотивы избегать ответов, но, чтобы

искажить реальность, одного лишь мотива недостаточно. Это стало возможно лишь благодаря их рассеянному, впечатлительному взгляду на мир – отсутствие острого взгляда на простые жесткие факты, и именно потому они сумели избежать этих серьезных вопросов» [11, с. 105-106]. Таким образом, Золушка не пытается проводить глубокий анализ своей жизни, своего места в семье, своего поведения и своих желаний – в напряженных ситуациях она просто уходит от реальности в мир фантазий.

Представляет интерес отношение Золушки к миру мужчин и женщин. Какое-то время после смерти матери она жила только с отцом. Похоже, их отношения были достаточно близкими, так как Золушка была единственным напоминанием о покойной жене. Но после заключения отцом нового брака все изменилось – дочь была отвержена и оставлена один на один с агрессивной мачехой и сводными сестрами. Несмотря на то, что Золушка «по-прежнему тоскует по либидно-притягательной, но безопасной мужской личности, которая сможет о ней позаботиться и спасти» [2, с. 274], отец практически все время находится «вне зоны доступа». Оставленная любящей матерью и отцом, травмируемая и притесняемая другими женщинами семьи, Золушка ощущает себя глубоко отвергаемой по причине своего пола. В то же время она замечает, что «женственность обладает странной властью над мужчинами» [5, с. 398].

Таким образом, в истории Золушки разворачивается классическая ситуация, когда традиционные культурные стереотипы (мужчины сильные, но отстраненные; женщины мягкие, но слабые) в сочетании с целым рядом семейных дисфункций приводят «к поиску безопасности и самоуважения посредством привязанности к мужчинам, которых она считает особенно сильными» [5, с. 399]. Поэтому Золушка пытается привлечь и очаровать всех присутствующих на балу, и даже «старый король шепнул королеве, что он уже много лет не видел такого чуда». Присоединение к сильному мужчине – это единственный доступный для Золушки шанс вырваться из семьи.

Созависимость и злая мать

Однако мы попробуем задать вопросы: почему Золушка так живет? Чего она хочет? Чего боится? Похоже, из-за презрительного отношения членов семьи, следствием которого явилась низкая самооценка и утрата самоуважения, Золушка делает все, чтобы «достичь острова безопасности посреди пугающего мира, сделать устойчивым чувство самоуважения, овладеть вызывающей беспокойство ситуацией, активно иницируя ее...» [5, с. 400]. Однако способ, который она выбирает, весьма нарциссичен. Золушка стремится добиться грандиозного успеха и доказать всем, что она не просто бедная трудолюбивая девушка-замарашка, а настоящая принцесса. Именно поэтому уровень притязаний Золушки не обычный мужчина, а сам принц! Однако она не мечтает о любви, отношениях, семье – она мечтает о сильном мужчине и получении той власти, которая позволит ей приобрести безопасность и уважение окружающих. Путем «присоединения» к принцу Золушка может также усилить самоуважение, так как этот носитель титула и статуса станет как бы частью ее самой. Главное в

отношениях к принцу – не любовь, а создание условий для более устойчивого самоощущения Золушки. Заметим, что в сказке ни разу не говорится о чувствах Золушки к принцу или принца к Золушке.

Единственные эмоционально насыщенные отношения в сказке – это отношения между Золушкой и ее матерью-мачехой и сестрами. Эти отношения нельзя назвать простыми. Похоже, больше всего Золушка боится утраты этих сложных, унижительных, спутанных, но единственно доступных для нее эмоциональных отношений с членами собственной семьи. Пробуждающаяся женственность требует своей реализации, однако она не прибегает к открытой реальной конкуренции с сестрами, а использует фантазийный вариант – предается мечтам, в которых она принцесса, а ее избранник – принц.

Отношения Золушки с матерью-мачехой и сестрами могут быть описаны как созависимые. Термин «созависимость» состоит из двух частей: «со-», обозначающей «совместный», и «зависимость», которая описывает потерю свободы. Одним из основных чувств в созависимых отношениях является страх – страх отвержения со стороны значимых людей. Именно из-за этого страха Золушка не пытается строить границы, говорить «нет», отказываться от невыносимой работы и требовать уважения.

Любопытен тот факт, что мачеха – это как раз тот персонаж, который выполняет двойственную роль в жизни Золушки. С одной стороны, ее агрессивное, унижающее Золушку поведение формирует определенные мазохистические черты у героини. Описывая мазохизм через паттерны самоуничтожения, С. Джонсон указывает: «Ребенок, зачастую бессознательно, сохраняет воспоминание о том, как была сломлена его воля, и помнит, что, несмотря на это, он выжил. Остается также неистощимое желание противостоять поражению и утвердить собственную волю, даже если это происходит в укрытии, тайно и сопровождается тяжелым страданием. ... «Я не буду злиться, я отомщу» — эта фраза кратко выражает скрытую феноменологию мазохизма. Однако проблема такой личности заключается в такой огромной разнице сил, что невозможно бывает воспользоваться единственной безопасной формой мести – самоуничтожением, актом, который позволил бы сохранить чувство гордости за себя. Единственным путем к победе над другой личностью является наука, как находить радость в собственном поражении, демонстрировать это миру и отвергать любые попытки изменить такое положение» [2, с. 211].

Похоже, именно отношения с мачехой, которая постоянно унижала Золушку, заставляя ее тяжело работать по дому и отказывая в маленьких радостях, превратила ее в ту, кем она является – внешне покорную, забитую, согласную с любым насилием девушку, которая мечтает о торжестве и мести обидчикам. Сформированный мазохистический радикал ведет к тому, что рядом с жертвой-Золушкой все члены семьи становятся тиранами. Возможно, Золушка провоцирует свое окружение на насилие, потому что извлекает вторичную выгоду из своего положения жертвы. Похоже, Золушка неосознанно добивается именно этого эффекта. Высокомерие Золушки-жертвы заключается в том, что

она упивается своими страданиями, чувствуя себя при этом победительницей. На первый взгляд, достаточно сложно разглядеть за наблюдаемым безропотным поведением, жертвенностью и даже мазохизмом истеричность Золушки. Однако это особая форма истеричности, единственно возможная в сложившейся ситуации, проявляющаяся в демонстрации жертвенности и выполняющая функцию привлечения внимания. И Золушке это удастся сполна: ей сочувствуют все читатели мира, но только не ее родные. Как это созвучно переживаниям людей, которые живут с истериками, играющими роль жертвы. В других же, более благоприятных случаях, например, на балу, Золушка в полной мере способна использовать свою демонстративность и очаровать принца, короля и всех гостей.

С другой стороны, такое поведение мачехи нормативно обусловлено. Золушка – девушка на выданье, и приучение ее к домашней работе, развитие трудолюбия, навыков ведения хозяйства является нормальным и естественным для девушки того времени. Точно так же, как сегодняшние матери водят детей на секции и кружки, занимаются их образованием и развитием навыков, необходимых для самореализации в современном социуме, мачеха готовит Золушку к взрослой жизни. Правда, она выбирает для этого достаточно агрессивные формы и методы.

Однако именно такое поведение мачехи, как ни парадоксально, способствует дифференциации Золушки. Сегодня, как и в прежние времена, для начала самостоятельной жизни девушка должна сепарироваться от родителей. Современным детям бывает сложно «предать» любящую, понимающую, всепрощающую мать. Отделиться от такой матери бывает сложно, а порой невозможно. Мачеха же в сказке достаточно агрессивна по отношению к Золушке. Она также пресекает все ее попытки отделения – например, не пускает на бал, где принц ищет себе невесту. Так, в версии сказки братьев Grimm, Золушка «стала просить мачеху, чтобы та отпустила её».

– Эх ты, Золушка, – сказала ей мачеха, – вся ты в грязи да в пыли, куда уж тебе идти на пир? У тебя ведь ни платья нет, ни туфель, а ты ещё танцевать захотела!

Но Золушка всё её просила. Тогда мачеха ей говорит:

– Вот просыпала я миску чечевицы в золу. Коль выберешь её за два часа, тогда можешь идти вместе с сестрами» [1].

Чем более сложное задание дает Золушке мачеха, тем сильнее желание девушки нарушить запреты и пойти на бал, а, по сути, искать мужчину. Мать «...пытается как можно дольше оттянуть роковой момент отделения жизни дочери от собственной. Она может попытаться отрезать дочь от внешнего мира, сведя к минимуму любые ее потенциальные контакты...» [13, с 39-40]. Таким образом, мачеха – это мать, которая вырастила дочь «для себя» и держит ее рядом, одновременно выстраивая с ней жесткие границы. Это сложное поле двойных посланий – ты не нужна мне целиком, мне нужны лишь твои навыки и

умения – очень сложно пережить. На это можно реагировать отчаянием и саморазрушением (по мазохистическому типу), уходом в мир фантазий (по истерическому типу) и доказательством матери своей ценности и уникальности (по нарциссическому типу). Ни один из этих выборов не учитывает собственное Я Золушки – ее желания, мечты, потребности, способности. Жизнь с такой матерью, отношения с которой можно описать как одновременно конфликтные и запутанные, однозначно приводит к формированию одной из вышеописанных патологий.

Терапевтические функции феи-крестной

Однако в истории есть мать-заместительница. Это фея-крестная, которая компенсирует отсутствие материнской любви и ослабляет зависимость Золушки от мачехи. То, чего героиня не может получить от мачехи – поддержку, заботу, уважение, помощь в выборе одежды и др. она получает от феи-крестной (или в другом варианте сказки – от дерева, выросшего на могиле матери). Таким образом, можно отметить различные проявления материнской ипостаси в сказке. Одна – мачеха – выступает как суровая, наказующая, невнимательная к потребностям дочери, удерживающая ее в строго заданных рамках. Эта мать готовит ее к реальной жизни. Однако она уравновешена другой матерью – крестной. Ведь, несмотря на то, что по сюжету она фея, прежде всего за прилагательным «крестная» идет существительное «мать». Эта мать выступает исполнительным Я Золушки. Фея-крестная дает Золушке все то, о чем она мечтает, поддерживает ее, заботится о ней, относится к ней со вниманием и пониманием:

«Ее крестная, которая как раз в это время зашла навестить бедную девушку, застала ее в слезах.

– Что с тобой, дитя мое? – спросила она. Но Золушка так горько плакала, что даже не могла ответить.

– Тебе хотелось бы поехать на бал, не правда ли? – спросила крестная.

Она была фея – волшебница – и слышала не только то, что говорят, но и то, что думают» [8].

Идеальная мать – это мать, которая понимает невысказанное. Если она не уравновешена «плохой» матерью, у дочери нет шанса отделиться. Однако в реальной жизни матери зачастую находятся то на одном, то на другом полюсе континуума, либо жестоко травмируя, отвергая и эксплуатируя дочь, либо удерживая ее рядом с собой, не давая возможности сепарироваться и стать взрослой. Поэтому фантазии Золушки о фее-крестной содержат те аспекты отношений, которых ей не хватает в контакте с мачехой.

С другой стороны, фея-крестная выполняет для героини функции психотерапевта. Она чувствительна, эмпатична и понимает состояние героини.

Что очень важно – она обладает такими ресурсами, которых нет у Золушки. Однако Золушка не в состоянии использовать ресурсы феи-крестной, сделать их собственными ресурсами: время действия волшебства ограничено, в сказке оно заканчивается в 12 часов ночи. Таким образом, поддержки крестной хватает ненадолго, и после завершения действия волшебства Золушка нуждается в новой «дозе» поддержки.

К реанимации советов в психотерапии

В связи с наличием в сказке такого персонажа, как фея-крестная, мы бы хотели обратить внимание на определенные стереотипы, существующие в психотерапии. Так, одним из догматических столпов является табу на советы клиенту.

Что же такое «совет»? Это многозначное слово, имеющее несколько значений:

- даваемое кому-то указание, как поступить;
- совместное обсуждение чего-либо;
- согласие (устар.);
- официальный коллегиальный орган.

Синонимами слова «совет» являются следующие слова: указание, рекомендация, напутствие, совещание, обсуждение, согласие, гармония [9].

Таким образом, в этом слове соединены два значения – и помощь другому (рекомендация, указание, напутствие), и совместность (совещание, согласие). Критики совета как терапевтического средства делают акцент на его директивности. Многие психотерапевты искренне верят словам Р. Мэя, что «совет всегда поверхностен; это дача указаний сверху, одностороннее движение. Сфера действия истинного консультирования намного глубже, и его заключения всегда являются результатом совместной работы двух личностей на одном и том же уровне. ... Совет нельзя считать адекватной функцией консультирования, поскольку он покушается на автономию личности» [6].

Такое понимание совета является слишком односторонним. Совет не возникает ниоткуда. В ходе каждой сессии терапевт внимательно выслушивает рассказ клиента, старается сориентироваться, какие защиты использует последний и что именно он защищает, какие повторяющиеся паттерны поведения присутствуют в его истории. Любая интервенция терапевта базируется как на его знаниях и клиническом опыте, так и на учете специфики каждого конкретного клиента. Чувствительный терапевт способен к выбору в каждой ситуации взаимодействия с клиентом, и именно свободный, осознанный выбор позволяет принять решение той или иной интервенции. Учитывая уникальность каждого клиента, анахронизмом выглядит универсальная рекомендация «не давать советов». Совет может стать действенным средством в терапии, если использовать его профессионально грамотно, выбирая адекватную форму, время и учет личностных особенностей клиента. Что касается формы, то совет

вовсе необязательно использовать лишь в директивном ключе. Это может быть проективный способ – информирование клиента о том, как в такой ситуации поступают другие люди, это может быть элемент селективного самораскрытия терапевта – рассказ о своем личном опыте поведения в схожей ситуации и др. Не менее важным фактором является время «выдачи» совета, то есть его своевременность. Когда клиент внутренне готов к «открытию», небольшой внешний толчок в виде «наводящей подсказки» может запустить процесс его изменения.

Адресность предполагает хорошее знание личностных особенностей клиента. Некоторые клиенты (к примеру, зависимые) воспринимают советы некритично, другие (контрзависимые) в принципе не способны их слышать и принимать. Именно поэтому терапевт может выбирать в каждой конкретной ситуации контакта методы и средства терапевтической помощи. Если мы изначально имеем дело не с автономной, а с крайне незрелой личностью, которая не осознает собственных внутренних ресурсов и не может найти выход, оказавшись в сложной жизненной ситуации, совет может оказаться как раз тем внешним ресурсом, который позволит клиенту со временем перейти, как пишут основатели гештальт-терапии, с опоры на других к опоре на себя.

Любопытный факт из истории жизни Зигмунда Фрейда касается того, что отец-создатель строгих процедур психоанализа давал в долг деньги своим клиентам, поддерживал их не только как терапевт, но и как человек, мог участвовать в личной жизни. Например, в «Случае Элизабет фон Р.» Фрейд пишет, что «весной 1894 года я узнал, что она посетит один домашний бал, куда я также смог получить приглашение; я не хотел упустить случая посмотреть, как моя бывшая пациентка промелькнет мимо меня в быстром танце» [10]. Его человеческое отношение к пациентам, включенность в их реальную жизнь (например, он узнал, что у Элизабет фон Р. нет шанса выйти замуж за мужа покойной сестры и проработал с ней эту тему) – свидетельство гибкого, творческого выбора техники работы. О чем, если не о советах, говорит отец психоанализа в этой фразе: «Я считал ее практически здоровой и предоставил ей возможность в дальнейшем самостоятельно решать возникающие проблемы *по уже указанному мною пути*» [10].

Туфельки – это метафора опоры в сказке, а элементы волшебства феи-крестной – метафора совета в психотерапии. Ведь если у клиента нет собственной опоры, мы можем потратить годы на то, чтобы она появилась, а можем дать ему во временное пользование «хрустальные башмачки», которые позволят ему с честью выдержать испытание и получить новый опыт. Представьте себе фею-крестную, которая говорит: «Я вижу, что тебе хотелось бы поехать на бал. Но ведь у тебя нет ни платья, ни обуви... Осознай это и подумай, как ты можешь их получить». Возможно, это честный и правильный, но зачастую тупиковый ход. Ведь правила создаются для общих случаев, и из любого правила существуют исключения. Другое дело, что в сказке как раз не учитываются те принципы обращения с данным терапевтическим инструментом, о которых мы писали

выше. Ко всему прочему, фея-крестная как терапевт дает намного больше, чем способна взять Золушка как клиент.

Психотерапию можно представить в виде трех последовательных этапов – внешняя помощь, интериоризация, «внутренняя» помощь. Первоначально клиент «опирается» на терапевта, обладающего развитыми функциями, ресурсами и навыками, которых нет у клиента. Именно на этом этапе советы как терапевтический инструмент наиболее уместны и своевременны. В процессе терапевтического взаимодействия посредством диалога в атмосфере эмпатии, поддержки и контролируемой фрустрации клиент присваивает (в терминологии Х. Кохута – интернализует) ресурсы терапевта и в последующем получает шанс стать терапевтом для самого себя со способностью опираться на собственные «выращенные» или «подрощенные» функции, ставшие частью его *self*.

Терапия

Проведенный клинико-феноменологический анализ позволяет отнести нашу героиню к типу личности с истерической организацией [7]. В пользу этого говорят ряд фактов: история ее развития (первоначальная атмосфера любви и обожания с последующим «свержением с трона»), семейная ситуация (дисфункции семейной системы по параметрам «власть», «ролевая структура», «коммуникация», «гибкость» и др.), способы ее контакта с окружающими и внешним миром (склонность предаваться фантазиям), доминирующие защитные механизмы (регрессия, диссоциация, идеализация). Если же ее рассматривать личность Золушки с точки зрения глубины нарушения, то наличие в ее арсенале примитивных защит (идеализация и диссоциация), особенности качества ее идентичности (диффузность и противоречивость собственного Я) и нарушенного контакта с реальностью (фантазии) говорят в пользу ее функционирования в пограничном регистре. Выделенные клинические характеристики предполагают использование специфических терапевтических стратегий и методов работы.

Остановимся на основных моментах терапии с клиентами типа «Золушка».

Основными требованиями к психотерапевту являются сохранение спокойствия и терпимости. В силу личностных особенностей таких клиентов – демонстративности, склонности к драматизации, эмоциональности, терапевту иногда сложно воспринимать их без желания перевоспитать, переделать или привести к изменению мировосприятия. Однако такие реакции терапевта подрывают контакт по причине большой чувствительности и ранимости этого типа клиентов.

Типичной реакцией контрпереноса на клиентов типа «Золушка» является восприятие его как «маленького», требующего помощи и советов ребенка. Интересно, что и при чтении сказки создается впечатление, что Золушка – маленькая девочка, хотя по факту она зрелая девушка. Эти контрпереносные реакции типичны для работы с истерическими клиентами. Поскольку одна из

основных защит в истерическом арсенале – регрессия, то терапевту сложно не впасть во всемогущество с вытекающим из этого желанием подбодрить, утешить, похвалить, взять на себя ответственность вместо того, чтобы развивать способность клиента к самоподдержке и опоре на собственные ресурсы. Такая стратегия не принесет терапевтического эффекта, а будет поддерживать инфантильность клиента и его зависимость от терапевта. Самая значительная помощь, которую может оказать терапевт такому пациенту – это поддержать его «уверенность в собственной способности решать за самого себя и принимать взрослые ответственные решения» [5, с. 409]

Сложность в работе с истерическими личностями также представляет их идеализирующий перенос. Д. Шапиро пишет: «... истерическая личность замещает объективный мир романтическим и сентиментальным... истерические личности склонны к мысли, что придет-Прекрасный-Принц-и-тогда-все-будет-хорошо» [11, с. 101]. В ходе терапии на терапевта может смещаться или проецироваться внутренний идеализированный объект, что, в сочетании с театральностью и драматичностью поведения клиента, иногда производит на терапевта сильное впечатление «настоящей любви». Именно поэтому случаи нарушения терапевтической этики, связанные с сексуальными отношениями между терапевтом и клиентом, достаточно часто обусловлены характером контакта истероидного клиента со своим окружением. Если терапевт не отвечает на сильные чувства клиента, его обвиняют в эгоизме и непонимании; если же он поддается соблазну, терапия заканчивается. Глубокая трансформация истерических клиентов возможна лишь в условиях, когда их тактика соблазнения терпит провал и когда, наконец, они осознают, что могут получать помощь, не эксплуатируя при этом других людей и не используя их как сексуальные объекты.

В качестве основной стратегии работы можно выделить направленность на «заземление» клиента – ненавязчиво и методично возвращать его к реальности («терапия реальностью»). При этом ведущей техникой будут выступать интерпретации – классическая психоаналитическая техника, используемая с клиентами такого рода еще самим З. Фрейдом. Так как клиенты с истерической организацией личности в терапии легко образуют устойчивый перенос (невроз переноса), то акцент в психотерапии должен быть сделан на терапевтическом взаимодействии. Задача терапевта заключается в методичных и настойчивых интерпретациях феноменов, возникающих в контакте с клиентом – сопротивлений, переноса, бурных эмоциональных реакций, фантазий. Кроме того, важно обращаться не только «к выражению чувств, но и к интеграции мышления и чувств» [5, с. 409].

Однако вернемся к нашей героине и попробуем посмотреть на ее реальную социальную ситуацию как на потенциальную ситуацию психотерапии. Из окружающих ее фигур реальным терапевтическим воздействием обладают мачеха и Фея-крестная. Отец Золушки дистанцирован и не может рассматриваться как влиятельная фигура в ее жизни. Фигуры Феи и Мачехи несут в себе противоречивые терапевтические функции – поддержку и

фрустрацию. Эти важные в терапевтической работе функции в жизни Золушки несбалансированны и выражены полярно. Мачеха как терапевт чрезмерно ее фрустрирует, Фея-крестная – неадекватно поддерживает. Используемые ими стратегии не обладают терапевтическим эффектом, так как не способствуют приближению Золушки к реальности и развитию ее адекватной самооценки.

В ситуации сказки у Золушки нет ресурсов для изменения. Активная и чрезмерная помощь Феи-крестной не является терапевтической для нашей героини. Ее помощь выходит за пределы «зоны ближайшего развития». Золушка не в состоянии присвоить, интернализировать эту внешнюю поддержку. В сказке это символически показано как потеря Золушкой туфельки. Туфелька может быть рассмотрена как символ опоры. У Золушки, согласно сценарию сказки, нет внутренней устойчивой опоры, и она не может рассчитывать на свои силы в ситуациях, когда заканчивается действие волшебства феи-крестной. Таким образом, это еще раз отсылает нас к идее адекватной поддержки, которая находится в «зоне актуального развития» клиента. В противном случае блестящие терапевтические интервенции будут утрачены клиентом так же, как туфелька была утрачена Золушкой.

Характерология героини и в последующей жизни, если отойти от волшебства, будет порождать привычные паттерны поведения. В сказке кардинально меняется внешняя ситуация, а не Золушка. Прогноз в связи с этим представляется нам как неблагоприятный: при помещении Золушки в другую среду она будет либо по-прежнему играть роль жертвы, либо превратится в жестокого агрессора. Эта вероятность ярко отражается в сказках о Золушке, где присутствуют два варианта развития событий. В варианте Ш. Перро в конце истории сестры «кинулись к ногам Золушки, чтобы вымолить себе прощение за все обиды, которые она вытерпела от них. Золушка простила сестер от всего сердца – ведь она была не только хороша собой, но и добра» [8].

Однако в варианте сказки, представленной братьями Гримм, завершение не такое безоблачное. «А когда пришло время свадьбу справлять, явились и вероломные сестры – хотели к ней подольститься и разделить с ней её счастье. И когда свадебное шествие отправилось в церковь, старшая оказалась по правую руку от невесты, а младшая по левую; и выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом, когда возвращались назад из церкви, шла старшая по левую руку, а младшая по правую; и выклевали голуби каждой из них ещё по глазу.

Так были они наказаны за злобу свою и лукавство на всю свою жизнь слепотой» [1].

Таким образом, добродетель Золушки оказывается ложной: под ней скрывается бешеная ярость, разрушительная для бывшего обидчика. Голуби, выклевавшие глаза сестрам, – те самые помощники Золушки, которые отделяли горох и чечевицу от золы. Послушные желаниям и приказам, они сделали то, чего желала их хозяйка – выклевали глаза сестрам-обидчицам. В терапии мы тоже

можем встретиться с этим морем ярости у длительно отвергаемого и угнетаемого ребенка. Эта ярость – позитивный момент в психотерапии. Однако признание таких чувств практически невозможно для Золушки, так как она все время их подавляет и отрицает.

Д. Шапиро так пишет об истерических пациентах: «Часто истерические взрывы становятся основной жалобой и приводят истериков на терапию, хотя чаще всего недоволен не пациент, а его родственники, которые являются потерпевшими от истерического взрыва... Вероятно, чаще всего – это взрывы ярости, но они могут смешиваться и с депрессивными чувствами» [11, с. 107]. «Для этих людей характерна комбинация аффективных взрывов и тихого поведения...» [11, с. 110].

Таким образом, терапия клиентов типа «Золушка» требует понимания и терпения в моменты проявления ярости и злости. Сложность заключается в том, что такие клиенты не готовы присваивать свое поведение и брать за него ответственность («это были не мои чувства», «я так на самом деле не думаю», «в меня как будто что-то вселилось»). Использование такой защиты, как диссоциация, требует от терапевта проработки всех «отщепляемых» аффектов. Важно помнить, что стандартные процедуры психоанализа были разработаны именно для людей с истерической структурой личности. При работе с такими клиентами терапевт «относительно спокоен и недирективен, интерпретирует процесс, а не содержание, имеет дело с защитами, а не с тем, что защищается, и ограничивает интерпретации большей частью рассмотрением сопротивлений, как они проявляются в переносе» [5, с. 408].

Прогноз на дальнейшую жизнь

В этой сказке есть еще одна фигура, которая порождает много надежд и фантазий – принц. Именно с ним связаны упования на внезапное изменение жизни Золушки и мечты об их будущей безоблачной жизни. Именно этот счастливый конец в сказке будоражит сердца девушек, мечтающих о «принце на белом коне».

Попробуем поразмышлять о возможном прогнозе их будущей семейной жизни. Осмелимся предположить, что он не будет столь радужным. Наша героиня в силу своей структуры личности и склонности предаваться фантазиям изначально запрограммирована на встречу с высокостатусным мужчиной. Принц интересует ее не как человек со своими личностными особенностями, характером, привычками и мечтами, а именно как Принц – носитель власти, которой лишена сама героиня. Ее восприятие, склонное к идеализации, не отличается реализмом, и в принце она видит воплощение своих фантазий, связанных потребностью в безопасности путем повышением социального и семейного статуса, получением признания, но не эмоциональной близости, тепла, любви. Похоже, Золушка, утратившая и материнскую, и отцовскую любовь, не считает их ценными характеристиками семейной жизни, выбирая более весомый и значимый для нее параметр «власть». Возможно, что

некоторое время жизни в браке ее восприятие принца будет строиться под влиянием эффектов авансирования, но реальность, как известно, вещь упрямая – сколько семейных кораблей разбивается о ее суровые волны.

Принц, исходя из текста сказки, вероятнее всего, нарцисс. Он также ищет себе жену-Принцессу – привлекательную, яркую девушку. Его, по-видимому, мало интересуют человеческие качества будущей жены. Проведя с ней два вечера, он так ничего о ней и не узнал: ни того, кто ее родители, ни где она живет, ни ее предпочтений, вкусов, привычек.

Однако Принц по натуре охотник. Ему не так важно, кто она на самом деле. Почувствовав интерес и возбуждение, он начинает преследовать Золушку, потому что решил, что она ему нужна, как красивая вещь или привлекательный предмет. Интересно и то, как он ищет Золушку. При попытке разыскать ее он делает основную ставку на туфельку: она либо подходит девушке, и тогда это его невеста, либо не подходит, и, следовательно, это не она. Это метафора в целом отражает инструментальное обращение нарцисса с другими людьми. Люди сами по себе не важны: важно какое-то свойство или качество, нужное нарциссу. При этом Принц два раза ошибается и выбирает не ту девушку. «Отрубила девушка палец, натянула с трудом туфельку, закусил губы от боли и вышла к королевичу. И взял он её себе в невесты, посадил на коня и уехал с нею» [1]. Ради того чтобы стать женой Принца, девушки готовы калечить себя – как это похоже на современную ситуацию с пластической хирургией и бесконечным улучшением внешности, чтобы соответствовать требованиям высокостатусного мужчины. Жаль, что не все помнят, что Принц замечает обман и возвращает девушек родителям.

С другой стороны, Золушка также задала Принцу сложную задачу. Ведь при встрече она была в маске Принцессы. Смеем предположить, что вслед за идеализацией Золушки Принцем произойдет ее обесценивание по типичному для Нарцисса сценарию.

Таким образом, реальная встреча Золушки и Принца в сказке не состоялась... Встреча – это контакт двух людей «без масок», с их живыми интересами, печалью и мечтами, с их несовершенством и поиском счастья... Масочно-ролевое поведение всегда носит защитный характер и призвано спрятать непринимаемые, отвергаемые или вызывающие стыд аспекты собственного *self*. Зато благодаря такому завершению истории осталось, богатое поле для читательских фантазий.

Важно помнить, что коллективное бессознательное отражает различные аспекты бытия, и стихи Д. Самойлова о стареющей Золушке, самостоятельно шьющей для себя туфельку, – это тоже часть реальности. Как ни печально признавать, но без глубокой реконструкции собственного Я, без интеграции образов Мачехи и Феи в один непротиворечивый конструкт «достаточно хорошей матери» (Д. Винникот) Золушка пополнит ряды мечтательниц, жертв семейного насилия с высоким уровнем притязаний и низким – самореализации.

Ее шанс – в восстановлении агрессивной части своего Я для создания безопасности; в возвращении настоящей, а не поверхностной и неглубокой чувствительности; в переходе от фантазий и мечтаний к опоре на реальность; в интеграции эмоционально-образного «правополушарного» и детального, линейного, логического «левополушарного» мышления.

Наша жизнь многогранна и изменчива. У каждого из нас есть возможность измениться к лучшему, если мы готовы осознавать, развиваться и идти вперед. А сказка, отражающая лишь часть аспектов нашей жизни, содержит разные уроки, которые лучше извлечь тогда, когда мы еще можем это сделать, а не тогда, когда уже поздно...

Литература

1. Гримм, Я. и В. Золушка. – Сказки братьев Гримм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kinderbooks.ru/publications/view/58/page/2456>. Дата доступа: 02.03.2010.
2. Джонсон, С.М. Психотерапия характера. Практическое руководство. – М., 2001.
3. Ефимкина, Р.П. Пробуждение спящей красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках. Монография. – СПб.: Речь, 2006.
4. Кернберг, О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
5. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
6. Мэй, Р. Искусство психологического консультирования. – М.: Апрель Пресс, Изд. ЭКСМО-Пресс, 2001.
7. Олифинович Н.И., Малейчук Г.И. Клинико-феноменологический подход к анализу случаев. / Н.И. Олифинович, Г.И. Малейчук // Психологический анализ сказочных историй: клинико-феноменологический подход: сборник статей. – В 2 Ч. – Ч. 1. – Минск : Бизнесофсет, 2009. – С. 14-25
8. Перро, Ш. Золушка. – Пересказ Т. Габбе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kostyor.ru/tales/tale8.html>. Дата доступа: 01.03.2010.
9. Совет / Свободная энциклопедия. Викисловарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org/wiki/совет>. Дата доступа: 16.02.2010.
10. Фрейд З. Случай фрейлейн Элизабет фон Р. // Московский психотерапевтический журнал, 1992. – № 1. – С. 71-96.
11. Шапиро, Д. Невротические стили. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 200.
12. Эйдемиллер, Э.Г., Юстицкис, В.В. Психология и психотерапия семьи. – СПб., 2000.
13. Эльячефф, К., Эйниш, Н. Дочки-матери. Третий лишний? – М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2008.

Ⓛ На сайте www.kinopoisk.ru описан 51 фильм по мотивам сказки «Золушка».